

Галина Шестакова

Варькина родня

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.3-93
ББК 83.8
Ш51

Шестакова Г.

Варькина родня / Г. Шестакова — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2019. — 41 с.

ISBN 978-5-5320-9691-2

Варя родилась в большой семье. Ей повезло, у нее много родных: папа, мама, брат, тети, дяди, бабушки, дедушки и даже прабабушки. Дружная семья, но бывает по-разному, как у всех. С ней все время что-то случается. Папа, долго мечтавший о сыне, учит Варю ходить на охоту и стрелять из ружья. Дедушка устраивает козье родео, а прабабушка рассказывает интересные истории. В приключениях Вари участвуют соседи, друзья и подруги. И с ними тоже происходят удивительные и чаще всего веселые события. Повесть состоит из небольших рассказов о разных приключениях большой семьи Варвары. Фото на обложке из архива автора.

ISBN 978-5-5320-9691-2

© Шестакова Г., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2019

Давай, снулая

Каждый правильный ребенок должен проводить лето на воле. И не очень правильный тоже. В деревне, на даче, но не в пыльном городе. Мне с этим повезло, у бабушек-дедушек были вольные деревни и дачи.

У деда с папиной стороны дом в деревне. Большой, старинный дом, который принадлежит нашей семье уже не первый век. Летом в этом доме собирались все младшие поколения дедовых детей. Набиралось нас человек пять, разновозрастных. Мне повезло, внучка была одна – это я. Поэтому мне многое позволялось. Кататься на козе? Пожалуйста, даже если не доена. Дед усаживал меня на спину возмущенной скотинке, я держалась за рога, боялась и все же подгоняла козу голыми пятками.

– Давая, давай, снулая! – я вопила воинственно на весь двор, подражая деду.

Коза, ополоумев, мчалась к спасительным воротам, брыкаясь и пытаясь сбросить меня со спины. Я держалась изо всех сил. Дед помогал. Но однажды он решил проверить, насколько я сильна в козьем родео, и отпустил. Когда я почувствовала, что осталась без поддержки, а коза поняла, что хозяин уже далеко, началось самое веселое! Я вцепилась в рога, как утопающий в соломинку, заорала, чем подстегнула козу еще больше. Коза начала брыкаться и носиться по двору, попутно врезаясь рогами в забор. Каждый раз, когда она неслась на бешеной скорости к забору, я закрывала глаза, судорожно сжимала пятками ее бока и прощалась с жизнью. Через несколько ударов и проломленных досок коза резко сменила тактику и стала биться о забор боком и моей ногой. В ногу впились занозы, я разозлилась и решила покорить это дикое животное. Животное тоже решило добить седока во что бы то ни стало. Еще пара секунд, показавшихся мне вечностью, и я лежала в теплой коровьей лепешке. Коза победно прошлась боком, искоса и со злорадством глядя на меня, мекнула и пошла на дойку. Прабабушка обозвала нас с дедом паразитами, хлопнула дверью хлева и стала утешать кормилицу

и милку. Коза жаловалась ей на пережитые мучения и на паразитов-мучителей. Дед, сдерживая смех, вытащил меня из коровьей лепешки и потащил в баню отмывать.

С этого дня мы не ладили с козой, делая друг другу всякие мелкие пакости. Она в удобный момент пыталась поднять меня на рога и презрительно мекала, я показывала ей язык и пуляла в нее репейными бомбами или ловила за хвост.

Но молоко этой снулой козы я любила. И поэтому приходилось терпеть ее вздорный характер.

Подпаски

Каждая приличная семья в деревне держит корову, да не одну, еще козу, овецек. К приезду городских детей деревенские готовятся всю неделю – масло, сметана, творог и трехлитровые банки молока. Все храниться в холодильниках и в холодильнике. Это загадочное место находится в нижней клетке, под домом, в вырытой в земле яме, куда всю зиму по старинке стаскивали большие глыбы льда, прикрывали досками и старыми овечьими полушубками. Лед хранится почти до августа.

В самую жару я начинала ныть, чтобы меня туда пустили. Прабабка Дуня, в свои девяносто лет сухая и прямая, как жердина, такого баловства не одобряла. Она воспитала за свою жизнь уже не один десяток детей, внуков и правнуков и не особо церемонилась с этой мелочью. Мало ли, что жарко, в холодильнике стоят продукты, это жизнь и сытость семьи, и выпускать за зиму накопленный холод – баловство. Прабабка прошла две войны, раскулачивание, расстрел мужа и подняла на ноги троих детей из тринадцати. А жару можно и перенести.

– Иди в клить. Там прохладно.

Там, конечно, тоже интересно, темно, пахнет старыми вещами. А спать в жару там хорошо. Среди шуб, развешанных по стенам, велосипедов, веников для бани, трав в пучках, санок, старых ведер и прочего интересного хлама стоят панцирные кровати с растянутыми от постоянного прыгания на них сетками и блестящими шишечками на спинках. Окон в клетке нет, только небольшая отдушина, днем заткнутая тряпьем, чтобы жара не проникала в клетку. В отдушину ночной ветерок приносит прохладу, что-то убаюкивающее шуршит в дальнем углу: то ли мыши, то ли кошка на охоте. Здесь хорошо рассказывать друг другу страшные сказки и бояться всем вместе, пока не заснешь. Это ночь без взрослых. Правда, дед или прабабка приходят проверять, не зажигая света, чтобы не напускать комаров, спят или нет эти «окоянные», но мы их слышим заранее и притворяемся спящими, тихонько хихикая под тяжелыми ватными одеялами.

Но сейчас хочется в холодильник. В середине июля уже успеваешь соскучиться по снегу и льду, и так интересно прижать ладошку и почувствовать мокрый ледяной бок когда-то бывшей сосульки. Там стоят банки с молоком, дедова бражка, рыба, замороженная в кусках льда еще с зимы, выглядит как доисторическая. Вкусно пахнет мокрой землей.

Такие сокровища нужно делить с подругой. В гости ко мне приехала Панама. Зовут ее, конечно же, нормальным именем Галя, но детство – это такое время, когда на любую фамилию можно придумать кличку. Иногда они подходят человеку удивительным образом и сохраняются на всю жизнь.

Я водила ее по огороду, показывала ягоды и кислый щавель. Показывала верхнюю клеть, нижнюю, показывала – под ворчание прабабки – голбец, там хранятся овощи. Но чтобы попасть в это удивительное место, надо было снять все половики, открыть тяжеленную дверь в полу, потянув вдвоем за кованное кольцо, встать на коленки и принюхаться, свесив головы вниз. А пахнет там особенно. Сейчас бы я сказала, что пахнет сыром с благородной белой плесенью, который я обожаю с кофе или красным вином, но тогда я «таких слов отродясь» не слыхала, как говорил дед. Мне просто нравилось. И мы нюхали.

Прабабка смотрела на нас от печи, вздыхала.

– Вот так я твоего папку то и выходила.

– Как? – истории всегда слушать интересно, мы сели на пол среди сбуровленных половиков, свесили ноги вниз, болтали ими и вникали прабабке.

– Дак как... – она поправила белый платок, оперлась на ухват. – После войны-то лекарств не было, все в госпитали шли. А Гена заболел, сначала решили – просто простыл, а чихнет, и чихнет... совсем загигаться стал. Вот его Шура и привезла ко мне.

– Шура – это бабушка, – я объяснила Панаме. – Она уже умерла. Но прабабка не услышала меня, рассказывала дальше.

– У него воспаление легких было, дохтур сказал. Надо пи-ни-цилин... – прабабка выговорила слово по слогам. – А его не было тогда. Вот и отправили ко мне на всю зиму его. Я и вылечила.

Прабабка говорила это просто, как само собой разумеющееся.

– Травами поила, молоком и заставляла вот так над голбцом сидеть и дышать.

– Дышать? А там что, воздух особенный?

– Да, с плесенью.

Мы спустились в голбец, я уверенно ввернула лампочку, и при желтом свете мы разглядывали полки с банками варенья, грибы, рассыпанные в ларях овощи. По стенам – плесень: серые маленькие аккуратные комочки. Мы ее нюхали и рассматривали, отрывая кусочки.

– Немножко, – прошептала я, – она, видишь, какая полезная!

– Девки, – прабабка наклонилась над голбцом, потеряв всякое терпение дожидаться нас, – кыш оттудова, окоянные! Застудитесь с жары!

Мы нехотя вылезли, расправили под строгим взглядом прабабки половики.

– Ну вот обед сготовила, несите Саше.

– Это деду, – опять объяснила я Панаме сложные родственные связи. – Сегодня наша очередь коров пасти, дед с самого утра все деревенское стадо угнал к реке.

Вся деревня пасет по очереди. Сколько на дворе скотины, столько дней и пасешь. Одна корова – один день, корова и коза – два. Очередь неспешно движется от двора ко двору. Утром буренок выгоняют из хлебов, они долго и протяжно мычат во влажное утро и неторопливо собираются в стадо. Рядом семят козы, овцы, сзади важно идут деревенские пацаны в телогрейках с отцова плеча, в тяжелых кирзачах и с кнутом. Обязательно с кнутом. На нас, городских малявок, посматривают свысока, по-мужицки сплевывают в пыль на дороге, щелчком пытаясь поправить сползающую на глаза кепку. Нас дед одних не пускает пасти, мы, городские бестолочи, с братьями, годимся только в подпаски. А я и вовсе – обед отнести.

Добравшись до деда и отдав ему корзину с едой, мы стали рвать букеты из колокольчиков, ромашек и плести венки.

– Так, девки, – дед сказал это сурово, но глаза его улыбались, – раз вы вдвоем, покараулите за меня. У меня дела в деревне, и поем по нормальному, дома.

Дед вручил мне кнут и напялил на голову кепку. Забрал корзину и ушел. Мы, поделив поровну богатства, – кепку мне, кнут Панаме – гордо расхаживали между коров, стараясь ненароком не попасть в сандалиях в теплую коровью лепешку. Отмывая потом в реке Бабке, и в мокрой сандалиии до дома шлепай, снова измазав ее в пыли. Знаем, ходили уже так. В мокрую сандалию набивается песок, мелкие камушки, и идти становиться невозможно. А босиком и вовсе не дойти. Как только деревенские бегают?

Рассматривали коров, так близко – чуть-чуть страшновато. Они большие, мирные и сосредоточенно жующие. Пытались отыскать свою буренку и вредную козу. Я рассказала Панаме про свое родео на козе, и она мне немного позавидовала. В доказательство показала зеленочные отметины на ногах. Жалко, телят нет. Пока они маленькие и глупые, пасутся рядом с домом, на привязи, а подросшие бычки и коровки уже в стаде. Они любопытные, толкали нас мокрыми носами, мычали. Коровки, поняв, что у нас нет ничего интересного, важно разворнулись и ушли под присмотр старших постигать науку переработки травы в молоко. У них дело.

Бычки-разгильдяи уже наелись травы, у них чесались новенькие рога, им хотелось развлечения. Задумчиво пожевав мое платье, самый любопытный бычок долго смотрел на нас, видимо, раздумывая, а годимся ли мы для этого. Решив, что годимся, он, коротко мыкнув, пошел в наступление. Ни кепка, выставленная на манер щита, ни кнут не были восприняты за серьезное препятствие. Мы дружно завизжали и побежали, что от нас и ожидал бычок. Он обрадовался и размеренно двинулся за нами. Пометавшись по поляне, мы с Панамой кинулись к кустам, очень надеясь спрятаться за ними. Но крик и визги выдали наше расположение, а кусты не представлялись бычку непреодолимым препятствием. Он двигался за нами неумолимым тараном.

– На черемуху! – скомандовала я, отбиваясь кепкой.

Обдирая коленки, мы залезли на черемуху. Она была не очень толстой, поэтому хорошо раскачивалась в такт нашим движениям и ветру. Кое-как устроились в развилках, стали ждать. Бычок тоже. Ходил кругами вокруг черемухи, пробовал на ней рога и мычал, возмущаясь, что так восхитительно начатая забава была прервана быстро и не интересно.

Дед нашел нас на той же черемухе часа через полтора. Мы все измазались в ягодах, но дождались спасения. Разговор с бычком был короткий, дед пихнул его рукой, грубовато сказал:

– Пшел отсюда, поганец!

И бычок ушел. Нас сняли с дерева, отобрали кепку и кнут и отправили к прабабке Дуне, залечивать раны.

Ранняя рыбалка

Дача у нас старинная. Надел дед получил еще в пятидесятые, когда только стали, собственно, дачами и обзаводиться служащие УВД. Пожарная охрана тоже относилась к этому же ведомству, и пожарным тоже выделили девять участков. У нас был участок номер два. У самой реки Сылва. Приехали первые девять человек и стали отмерять себе участки, но о такой мелочи, как складной метр, никто не подумал. Все друзья, все вместе работают, поэтому складные метры – это условность. Участки отмеряли шагами. Расположены они были на склоне, ширина шага менялась в зависимости от наклона, и все участки получились разные. Но это обнаружилось потом, почти через сорок лет. Мы всегда были уверены, что у нас шесть соток, но только бабуля удивлялась, почему у соседей сверху помещаются баня и две теплицы, и намного больше яблонь и кустов, чем у нас, но особенно не переживала об этом. А через сорок лет приехал хмурый дядька с метром, перемерил наши склоны и сообщил, что у нас три с половиной сотки, а у соседей – вожаделенные шесть. Бабушка расстроилась, всплеснула руками, но потом сказала: «Да и ладно, работы меньше». Зато у нас – выход к реке, это лично для меня всегда было важнее.

И потом здесь все совсем по-другому, не так, как в деревне. Здесь дорожки вымощены плитами известняка, которые дедушка возил на лодке с другой стороны Сылвы. Слово «грядки» не применяется, здесь клумбы, которые бабушка любовно огораживала бутылками (их собирали после своих посиделок с друзьями дети), и красивыми белыми камнями, которые привозил дед. И на клумбах растет то, что и положено, – цветы. Никакие деревенские морковки, капуста и прочие глупости не выращивались. Я знаю названия всех цветов, кустарников и деревьев – причем как русские, так и латинские – растущих на участке. Я живу в окружении ботаников.

На веранде стоял старинный круглый стол, за которым собиралась вся большая семья по выходным. А в будние дни только мы: бабуля, дед и я. К завтраку было принято выходить умытой, при-